

К КОНЧИНЕ МИТРОПОЛИТА ЛАВРА

В. С. РУСАК

Статья посвящена личным воспоминаниям автора о встречах с Первоиерархом РПЦЗ митрополитом Лавром

Скончался Высокопреосвященнейший Лавр, митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский, Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви. Теперь уже с полным правом можно сказать, что он был первым **Первоиерархом Зарубежной Церкви как части единой Русской Православной Церкви**.

Я не ставлю себе задачей описать в этих заметках жизненный путь почившего Владыки. Его биография достаточно известна, и не сомневаюсь, что еще не один раз она будет воспроизведена в средствах массовой информации. Хочу поделиться лишь некоторыми эпизодами из личной жизни. Судьба подарила мне знакомство со многими выдающимися людьми, но образ Владыки Лавра сохраняется в моей душе на особом месте.

Первый раз я увидел Владыку в пасхальные дни в апреле 1989 г., почти 20 лет назад. Забегая вперед, скажу, что в последний раз я видел его в августе прошлого года.

Вскоре после освобождения из пермского лагеря, где я отбывал срок по печально известной 70-й статье УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда...»), я с женой приехал в США. Благодаря бывшему секретарю Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви епископу Илариону (Маршаллу), наши приглашения были подписаны госсекретарем США г-ном Джоржем Шульцем, и наш переезд через океан прошел без малейших шероховатостей.

В аэропорту Кеннеди нас встречал мой издатель О. М. Родзянко и глава Американского комитета Международного общества по правам человека г-н Падюков, они отвезли меня прямо в Синод, где владыка Иларион совершил благодарственный молебен по случаю моего освобождения и прибытия в Штаты. О. М. Родзянко привез меня в Джорданвилль, где находится русский Свято-Троицкий монастырь, одноименная духовная семинария и типография преп. Иова Почаевского. Мы попали как раз к пасхальному богослужению.

Знакомое многим, покинувшим Родину ощущение. За тысячи километров от родных мест окунаешься в столь привычную атмосферу православного богослужения. Слаженный семинарский хор. Много детей разного возраста. Не встречающиеся в обычной жизни советских людей шляпки, вуальки, всякие рюшечки...

Прием у архиепископа Сиракузского и Троицкого Лавра, настоятеля монастыря и ректора Свято-Троицкой семинарии. «Прием» — здесь совершенно не-

уместное слово. Просто вошли в кабинет владыки. Да и кабинетом архиепископа это помещение можно назвать лишь с сильной натяжкой: небольшая комнатка с рабочим столом. Нет привычных всемогущих секретарей и келейников, которые охраняют «князя церкви» от надоедливых посетителей-просителей. Дверь в его кабинет никогда не закрывается. Если он не беседует с кем-либо, смело заходи и беседуй. Никаких тебе предварительных записей на прием, никаких «я сейчас занят», «приходите завтра»...

Уютная (хочется сказать именно так) беседа, без малейшего напряжения. Размеренный, замедленный ритм речи. Такие же замедленные движения. Довольно заметное носовое произношение. Пасхальное угощение. Ощущение такое, будто встретился с близким человеком, которого долгое время не видел, и он хочет узнать от тебя то, что было недоступно в период разлуки.

Мы с женой поселились в небольшом двухэтажном домике близ монастыря, который нам предоставил декан семинарии Евгений Иосифович Клар. Буквально через пару месяцев у нас родился сын Петр. Владыка Лавр, архиепископ, ректор православной семинарии, секретарь Архиерейского Синода, главный редактор известного издания «Православная Русь», без малейшего кокетства или жеманности принял мою просьбу посетить наш праздничный обед по случаю крещения Петра и запросто играл с ним, довольно уверенно держа его на коленях.

Владыка дал мне вести в семинарии курс истории Русской Православной Церкви, а впоследствии и курс канонического права. Не могу сказать, что с того времени у меня было постоянное регулярное общение с Владыкой, но не могу также умолчать о том, что иногда случались довольно серьезные разговоры в прямой связи с изменениями, происшедшими на Родине после падения коммунистической власти. Встречались в деловой, праздничной и житейской обстановке. Независимо от темы и повода для встречи разговор с ним всегда проходил в одном ключе, размеренном и тихом. О его скромности и неприхотливости еще будут не однажды говорить. О его молитвенности я вообще не имею права рассуждать, поскольку даже умозрительно я не могу себя представить в таком молитвенном напряжении. Я хочу сказать лишь о его терпимости.

О терпимости Владыки Лавра к слабостям человеческим, о его терпении, его долготерпении, которое можно рассматривать уже как бесценную добродетель, может сказать немало каждый студент и насельник монастыря, в котором он долгие годы был настоятелем и ректором. Приведу лишь два эпизода из своей личной жизни.

После абсолютно неканоничных решений, принятых на Архиерейском Соборе 1991 г. об открытии приходов Зарубежной Церкви в России, я послал на очередной Архиерейский Собор, проходивший в Лесненском монастыре во Франции, пространное письмо с детальным разбором этих решений. Послал как раз через владыку Лавра, секретаря Архиерейского Синода. Как и принято в практике обеих частей Русской Православной Церкви, на Соборе мое письмо зачитано не было, но Владыка Лавр по всем признакам ознакомился с ним достаточно внимательно. В заключение своего обращения к Собору я тогда писал:

«Единение, которое Господь даровал бы всей Русской Церкви, если бы руководство Зарубежной Церкви не закокселось в своей праведной гордыне, позво-

лило бы не то что укрепить, но поднять ее (и зарубежную часть) на небывалую высоту в этом порочном мире. Но такое единение не может произойти на пустом месте, при отсутствии даже зародышного официального диалога между представителями обеих частей Русской Церкви. И отказ митрополита Виталия от встречи на любых условиях, которую предложил недавно сам Патриарх Алексий, не имеет ни малейшего оправдания, но имеет довольно печальное объяснение...

Стержень церковный, существо церковное, здорово и здесь, и там. Недостатки есть тоже и там, и здесь. И полезнее было бы сосредоточить свои усилия не на выискивании пороков, а на достижении единения, которое одно может спасти одновременно и нашу страждущую Родину, для которой собираются здесь жалкие подаяния. Пока нет этого единства церковного, не будет порядка на русской земле. Более того, может быть нынешняя трагедия русского народа и является продолжением трагедии разделения Церкви.

И все-таки, согласно с отраженным в «Положении...» (положении о приходах Зарубежной Церкви в России. — *В. Р.*) упованием, вопреки которому руководство Зарубежной Церкви ведет ныне свою церковную политику на Родине, верим и надеемся, что такое единение произойдет и Российская Православная Церковь, назло всем ее и Православия врагам, едиными устами восхвалит Господа нашего Иисуса Христа во спасение всех ее исстрадавшихся верных чад.

Глубокоуважаемые и досточтимые Владыки! Я не обольщаюсь, что это письмо будет воспринято так, как оно задумано: как стремление сказать правду, выдержать справедливость и выразить боль о положении всей Русской Православной Церкви. Любое руководство не любит, когда его подопечные не разделяют его позиции, и уж тем более когда свое несогласие выражают открыто.

Как правило, в таких случаях в силу вступают административные рычаги. И церковное руководство в этом не исключение. Ни Патриархии, ни Зарубежной Церкви. Видимо, это некое органическое свойство всякого руководства. Сколько уже было подобных писем равнодушных мирян в Архиерейский Синод (как пример — письмо С. Полонского в 1966 году, В. Сокольского в 1967 году), но ничем, кроме прещений в адрес их авторов, Синод не реагировал.

И я не думаю, что ко мне руководство Зарубежной Церкви подойдет с другими мерками. Но все же...

Очень хотелось бы надеяться, что вы, не обращая внимания на стиль этого письма, на резкость некоторых слов и выражений, вникнете в существо вопросов, поднятых им, которые всех нас волнуют и не дают нам покоя. Мне не до елейного приглаживания остробритвенных проблем. Да и времени было слишком мало, чтобы обращать внимание на политес. К Господу Богу мы вообще обращаемся на “Ты”, надеюсь, и вы покроете своей снисходительностью мою дерзость.

В заключение хотелось бы задать еще только один вопрос: неужели вам не страшно отойти в другой мир, разделенными с Матерью-Церковью? А ведь времена эти, как справедливо подчеркивает митрополит, по всем показателям очень и очень близки.

Не будем становиться в позу Иоанна Крестителя. Все мы грешны, и всем нам необходимо покаяние...».

Нетрудно представить себе реакцию церковного руководства у нас, на Роди-

не, пошли кто-либо из членов Церкви обличительное письмо с критикой решений Архиерейского Синода Московской Патриархии. Владыка Лавр также легко мог меня наказать, уволив меня с преподавательской работы в семинарии. Но он этого не сделал, понимая справедливость моей критики.

Не запретил он мне продолжать и преподавание канонического права, когда я предупредил его, что на лекциях буду преподносить студентам именно свое, в соответствии с каноническими нормами, отношение к этим решениям зарубежного церковного руководства (к которому и он принадлежал) о неправомочном открытии зарубежных приходов на территории бывшего Союза.

Я мог бы привести еще не одно свидетельство необычайной терпимости Владыки Лавра. Возможно, именно эта терпимость к человеческим слабостям и была той духовной основой, на которой выросло понимание необходимости и благодатности воссоединения Зарубежной Церкви с Русской Православной Церковью на Родине, происшедшего на наших глазах в мае прошедшего года.

Мне хочется поделиться с читателями некоторыми своими личными ощущениями и соображениями в связи с невосполнимой потерей скромного и Великого Человека, благодаря которому мы, на Родине и за рубежом, перестали видеть друг в друге врага и объединились в братской любви и взаимном прощении в одной, Единой, Церкви. А для меня — человека, который встретил входящего в этот мир и проводил в Вечность моего сына Петра, трагически погибшего, не достигнув 18-ти лет, в июле прошлого года и погребенного на монастырском кладбище в Джорданвилле. Отпевал его Владыка, будучи уже очень больным, но тем не менее нашедший в себе силы проводить его до самой могилы.

Владыка Лавр, с отроческих лет находясь в монастыре, молится за полуношницей почти каждый день. Каждый день на протяжении всей своей некороткой жизни. Богослужебный устав он знает так, как мало кто знал во всей Русской Православной Церкви. Он один, лично, на протяжении многих лет составлял известный всем Троицкий календарь со всеми богослужебными указаниями. Я знал только еще двух человек, которые знали Устав на таком уровне, как владыка Лавр. Это Н. Успенский из Ленинграда и П. Уржумцев из редакции «Журнала Московской Патриархии».

Кажется, мы дожили до фазы, когда история повторилась: на сей раз — в виде фарса. В образе трагедии она состоялась в 1927 г., когда часть церковного русского народа не приняла политический курс митрополита Сергия. Эта трагедия была преодолена через недавнее восстановление единства Церкви.

Фарс же заключается в том, что теперь «самая праведная часть самой праведной» Зарубежной Церкви не приняла политический курс зарубежного церковного руководства.

Благоразумно извлекать уроки из истории. Применительно к теме бури, которую подняли антицерковные силы по поводу радостного воссоединения Зарубежной Церкви с Русской Православной Церковью, урок состоит в том, что, без сомнения, пройдет время и уже из их среды выдвинется новый «Лавр», который исправит их нынешнюю преступную ошибку. Вопрос только в том, все ли из нынешних «праведников», ушедших в раскол, доживут до этого времени.

Скончался последний глава Зарубежной Церкви и первый глава **зарубежной части Русской Православной Церкви**. Скончался скромный и великий человек. И как человек теперь он нуждается более всего не в наших восхвалениях, а в простых и сердечных молитвах. Дело его уже ни умалить, ни принизить никому не дано.

«Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему новопреставленному митрополиту Лавру и сотвори ему вечную память» (*из чина отпевания*).

Не сомневаюсь, что имя это навсегда сохранится и в человеческой памяти, как служителя Божия, позволившего членам двух частей Русской Православной Церкви наконец почувствовать себя братьями в едином Теле Христовом.

Сан Диего
5 апреля 2008 г.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Русская Православная Церковь за границей, Джорданвилльская духовная семинария.

TOWARDS THE DEATH OF METROPOLITAN LAVR BY V. RUSAK

The author described personal memoirs about his meetings with Supreme Pontiff of the Russian Orthodox Church Abroad — metropolitan Lavr.

Key words: the Russian Orthodox Church, the Russian Orthodox Church Abroad, the Jordanvill Theological Seminary.